

Трансцендентальный журнал 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 1 Том 1. 2020

Дескриптивная метафизика и Кант

Евстигнеев Максим Дмитриевич

Высшая школа экономики

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Реконструкция "Критики чистого разума", предпринятая П.Ф. Стросоном в книге "Границы смысла", является чрезвычайно влиятельным подходом к интерпретации кантовской философии. Помимо всеобщего признания в качестве кантоведа, Стросон также признается оригинальным и самостоятельным философом. Данный текст посвящен совмещению двух этих сюжетов: стросоновская концепция дескриптивной метафизики анализируется и далее применяется к кантовской философии и тому, каким образом Стросон ее интерпретирует. В ходе анализа демонстрируется, что, с одной стороны, некоторые аспекты кантовского понимания философии должны были привести его к тому, чтобы разработать концепцию близкую стросоновской, с другой, что некоторые интенции, которым Кант следует, показывают, что кантовская дескриптивная метафизика если и возможна, то в качестве иного, нежели чем у Стросона, проекта.

Ключевые слова: Кант, Стросон, кантоведение, дескриптивная метафизика, трансцендентальный идеализм, Критика чистого разума

Дата публикации: 06.07.2020

Источник финансирования:

Данное исследование проведено в рамках проекта «Кантовский проект дескриптивной метафизики: история и современное развитие», поддержанного грантом РФФИ (проект № 19–011–00925а)

Ссылка для цитирования:

¹ В этом (2019) году исполняется сто лет со дня рождения сэра Питера Фредерика Стросона. Данная статья, которую скорее стоит рассматривать как заметку, а не как полноценное оригинальное исследование, посвящена анализу стросоновского проекта *дескриптивной метафизики* в его отношении к кантовской философии. В “Индивидах” (*Individuals: An Essay in Descriptive Metaphysics*) [Strawson, 2003] Стросон, приводя характеристику своего исследования, указывал двух предшественников, частично или полностью разделивших его взгляды на то, какой должна быть метафизика: Аристотеля и Канта. Причем, если первому Стросон не посвятил большого количества страниц, то благодаря последнему он оставил свое имя в истории философии не только в качестве самостоятельного и оригинального исследователя, но и в качестве одного из самых цитируемых и влиятельных кантоведов (во многом благодаря своему кантоведческому бестселлеру – книге “Границы смысла”¹ (*The Bounds of Sense: An Essay on Kant’s Critique of Pure Reason*) [Strawson, 2006]).

² Ниже, (I) я кратко охарактеризую дескриптивную метафизику, ее цель, предмет и отличие от других форм метафизики или концептуального анализа. Далее, (II) я покажу какие именно аспекты кантовской философии можно рассматривать в качестве дескриптивной метафизики. Конкретно, я сосредоточусь: (а) на отношении кантовской философии к *скептицизму*, с одной стороны, и к *догматизму*, с другой; и (б) на стросоновской интерпретации *Аналитики*. Затем, (III) я сосредоточусь на обсуждении кантовской позиции в отношении метода философского исследования и, в особенности, на вопросе о том, возможны ли в философии *реальные дефиниции*, что позволит мне показать методологическое сходство подходов Стросона и Канта. Наконец, (IV) я обращаю внимание читателя(-ницы) на сюжет, который должен продемонстрировать лимитирующий (ревидирующий) характер стросоновской интерпретации “Критики чистого разума” – это вопрос о статусе и задаче *субъективной дедукции категорий*.

³

(I)

⁴ Термин *дескриптивная метафизика* впервые появился в книге “Индивиды” (1959). Там Стросон указывает, что тот вид метафизики, который он пытается защищать, направлен на описание “действительной структуры нашего мышления о мире”² в то время как *ревидирующая метафизика*³ стремится предложить другую, улучшенную [Strawson, 2003, p. 9]. Далее он указывает своих союзников – Аристотеля и Канта, а также оппонентов – Декарта, Беркли и Лейбница.

⁵ Вероятно, лучший способ определить, что такое дескриптивная метафизика – сделать это, вслед за Стросоном, посредством противопоставления конкурирующим проектам. Х. Глок в своей статье о стросоновской дескриптивной

метафизике приводит ряд ключевых стратегий, помимо ревизирующей метафизики, которым проект Стросона оппонирует. Это традиция *концептуального анализа*⁴, *историцистская концепция метафизики* и *объяснительная метафизика* (*explanatory metaphysics*) [Glock, 2012, p. 393–394].

⁶ От ревизирующей метафизики, как уже отмечалось выше, дескриптивная отличается тем, что не предлагает улучшенной структуры нашего мышления о мире, а лишь эксплицирует старую. От *традиционного* концептуального анализа, которого придерживались учителя и коллеги Стросона⁵, дескриптивная метафизика отличается тем, что не просто исследует практики употребления слов⁶, но нацелена на поиск концептуальной структуры, которая не проявляется непосредственно в языке, но погружена в него⁷ [Strawson, 2003, p. 9–10]. От историцистской метафизики – проекта, согласно которому метафизика должна изучать фундаментальные изменения в направлении или способе мысли в исторической перспективе ее развития – дескриптивная метафизика отличается тем, что ставит своей целью не изучение конкретных исторических пресуппозиций мышления⁸, а экспликацию концептуальной схемы, более или менее независимой от того, какую конкретную форму приобретает мышление в его исторической ретроспективе⁹ [Strawson, 2003, p. 10]. Наконец, отличие дескриптивной метафизики от объяснительной очевидно уже из названия: объяснительная нацелена на изучение основания *того*, почему мы имеем ту или иную концептуальную схему, в то время как дескриптивная лишь на экспликацию последней¹⁰.

⁷ Еще одна стратегия, которой Стросон оппонирует (но которую Глок не выделяет) – это довоенная “аналитическая” традиция в философии. Стросон замечает, что, хотя до войны, ровно как и после, понятие *анализа* занимало центральную роль в британской философии, однако, понимание того, в чем анализ должен заключаться не оставалось неизменным на протяжении этого периода [Strawson, 1992a, p. 312]. Довоенную стратегию анализа Стросон связывает с поиском элементарных единиц лингвистического значения, до которых всякое сложное выражение, если оно осмысленно, можно разложить. Квинтэссенцией такой стратегии был логический эмпиризм (позитивизм), который утверждал, что эти единицы должны получать свое выражение в так называемых *протокольных предложениях* (они же: элементарные предложения “Логико-философского трактата”^{4.21}), которые не выражают ничего иного кроме актуального содержания чувственного восприятия¹¹. Это позволяло осуществлять перевод разнообразных предложений на научный (*физикалистский* – в случае Р. Карнапа и многих его соратников по ‘Венскому кружку’ [Карнап, 2010] [Carnap, 1931]) язык, вместе с демонстрацией того, что предложения метафизики (которые по определению не могут быть редуцированы к протокольным предложениям) бессмысленны, поскольку такому переводу не поддаются¹². Такой проект, очевидным образом, игнорирует семантическую сложность *обыденного языка*, которую Стросон хотел сохранить. Кроме того, проект нацелен на демонстрацию бессмысленности “старых” философских проблем¹³, в то время как сам Стросон убежден, что эти

“старые” проблемы и затруднения укоренены в обыденных, не-сконструированных понятиях, не поддающихся строгой дефиниции и не находящихся в системах сконструированных понятий, с которыми имел дело довоенный анализ [Strawson, 1992a, p. 316–317]. Философия, тем самым, должна не строить *идеальных* язык, а изучать *реальный*.

8 Изучение этого языка должно происходить систематически и преследовать, согласно Стросону, не только терапевтическую цель, которую философия имела у Витгенштейна в его поздний период творчества (отошедшего от своего “старого” понимания языка). Витгенштейн пишет, что философия должна описывать действительное употребление языка (§124), однако она преследует лишь единственную цель – снять зачарованность им нашего мышления (§109); наконец по поводу метода философии он утверждает, что “нет какого-то одного метода философии, а есть методы наподобие различных терапий” (§133) [Витгенштейн, 1994]. Стросон указывает, что даже если мы начнем исследование, преследуя лишь терапевтическую цель, мы можем заинтересоваться изучением логики некоторого региона естественного языка не только для разрешения метафизического затруднения, но и для понимания самой структуры этого региона. Кроме того, разве не может метафизическая деятельность также образовывать семейство *языковых игр* со своими внутренними правилами и критериями оценки осмысленности высказываний – спрашивает Стросон? [Strawson, 1954, p. 78]

9 Таким образом, дескриптивная метафизика должна эксплицировать актуальную (а не идеальную) структуру нашего мышления о мире (причем, делать это систематически), которую нельзя “вычленить” просто изучая употребление слов; она не является лишь серией исторических пресуппозиций мысли, но претендует на большую степень универсальности и, наконец, она не нацелена на объяснение причин того, почему мы обладаем такой, а не иной концептуальной структурой.

10 Для достижения обозначенных результатов дескриптивная метафизика должна обладать некоторым методом, который отличался бы от просто анализа словоупотребления, практик объяснения скрытых оснований реальности и метода естествознания и других наук. В роли этого метода в случае Стросона выступает стратегия *трансцендентальной аргументации*. Несмотря на то, что термин *трансцендентальный аргумент* лишь несколько раз употребляется в “Индивидах”, он устойчиво ассоциируется со Стросоном и его проектом. Кроме того, традиционно, трансцендентальная аргументация приписывается и Канту, хотя последний, насколько мне известно, не употреблял данный термин: он пишет о *трансцендентальном истолковании*, *трансцендентальной дедукции*, *трансцендентальном обосновании* и т. д., но не о трансцендентальном аргументе.

11 Трансцендентальный аргумент, в наиболее общем смысле, это аргумент против скептицизма, который, посредством демонстрации того, что некоторые понятия или положения необходимы для мышления или опыта, показывает несостоятельность скептика, которых ставит их статус под сомнение. Связь дескриптивной метафизики, по крайней мере в ее первоначальной редакции, (а через нее и трансцендентальных аргументов) и скептицизма не случайна. Стросон

утверждает, что дескриптивная метафизика является анти-скептическим исследованием, которое, посредством описания нашей концептуальной схемы, опровергает скептицизм. Это происходит потому – как Стросон пишет – что скептик будто бы принимает концептуальную схему, но, в то же время, отрицает одно из необходимых условий ее применения [Strawson, 2003, p. 35]. Что, в свою очередь, делает скептицизм бессмысленным, поскольку он ставит под сомнение то, посредством чего только и может быть сформулирован и иметь смысл [Strawson, 2003, p. 35].

¹² Глок предлагает выделять два вида трансцендентальных аргументов – *дедуктивные* и *эленктические*. Эленктические аргументы он относит еще к Аристотелю и к его аргументу в пользу необходимости *закона противоречия*: для сомнения в последнем нужно уже использовать его в формулировке скептического возражения. Такой скептицизм ставит под сомнение то, что только и позволяет сформулировать скептическое сомнение. Тем самым, он получает автоматическое опровержение. Глок отмечает, что этот вид аргумента активно используется в “Индивидах”, в то время как следующий в “Границах смысла” [Glock, 2003, p. 35]. Дедуктивный аргумент нацелен на то, чтобы установить *необходимое условие* некоторого факта, события, обладания способностью и т. д. и, далее, установив то, что факт (событие, способность) имеет место, заключить, что и его (ее) *необходимое условие* имеет место¹⁴.

¹³ Очертив, кратко, специфику стросоновского проекта, я нахожу возможным перейти к рассмотрению вопроса о кантовской дескриптивной метафизике, ориентируясь в первую очередь на стросоновскую интерпретацию Канта.

¹⁴

(II)

¹⁵

(a)

¹⁶ Критическая философия, согласно Канту, является срединным путем между *догматизмом* и *скептицизмом*. В ее задачу входит, с одной стороны, опровержение скептицизма в отношении некоторых специфических вопросов, но и опровержение догматизма, посредством строгого определения сферы возможного опыта, а вместе с тем, и сферы возможного познания.

¹⁷ Знаменитая фраза из предисловия второго издания КЧР: “Итак, я должен был приподнять, отодвинуть (*aufheben*) знание, чтобы [свое] место заняла вера” (ВХХХ) – кажется, ясно выражает кантовское отношение к догматической философии. Он, по его собственным словам, должен указать догматизму область его корректного применения и, тем самым, уберечь разум от ошибок. Кант пишет, что догматизм в метафизике – это предрассудок, заключающийся в убеждении, что возможно добиться значимого успеха без предварительной критики самой способности сверхчувственного познания (разума), предметом которой и должны быть метафизические объекты¹⁵ (ВХХХ). Под критикой Кант, в свою очередь, понимает “не критику книг и систем, а критику способности разума вообще в

отношении всех познаний, к которым он может стремиться *независимо от всякого опыта*, стало быть, решение вопроса о возможности или невозможности метафизики вообще и определение источников, а также объема и границ метафизики, и все это на основании принципов”(АХІІ). Далее он пишет, что не просто уклонился от решения вопросов, признавая неспособность разума в их разрешении, как это делала бы скептик, но “в полной мере определил специфику этих вопросов сообразно принципам и, обнаружив пункт разногласия разума с самим собой, дал вполне удовлетворительное решение их” (АХІІІ). Решение такого вопроса, очевидно, должно опровергнуть скептицизм, отказывающий разуму в возможности разрешения определенных затруднений, на которое последний претендует. Кроме того, задача философии здесь не только терапевтическая – избавление от заблуждений – но и систематическая – будущий проект трансцендентальной философии, к которой КЧР выступает в качестве пропедевтики (А13-4/В24-5). Закончу это обсуждение цитатой из известной автобиографической рефлексии Канта, посвященной генезису КЧР: “Вначале я видел это доктринальное понятие словно в полутьме. Я на полном серьезе пытался доказывать положения и их противоположения, и не для того, чтобы создать скептическое учение, но, подозревая о наличии некоторой иллюзии рассудка, дабы открыть, в чем она могла бы состоять. 69 год дал мне сильный свет (*großes Licht*)”¹⁶] (XVIII, 69).

¹⁸ Стросон отразил оба этих стремления в названии своей главной книги о Канте – “Границы смысла”. Он пишет, что Кант, в своей “Критике чистого разума” проводит три различные границы: *первую*, в аргументах *Аналитики*, где он “пытается артикулировать общую структуру всякой концепции опыта, которую мы могли бы сделать действительно (*truly*) для себя”¹⁷ (BS, 49); *вторую*, в *Диалектике*, где Кант предположительно опровергает претензии догматической метафизики и ограничивает сферу теоретического применения разума возможным опытом; *третью* же границу, согласно Стросону, Кант проводит нелегально, вводя в игру концепцию *трансцендентального идеализма* вместе с “воображаемым предметом трансцендентальной психологии” (BS, 32). Оставляя в стороне последнюю границу (о ней речь пойдет в следующем разделе), я пока сосредоточусь на первых двух.

¹⁹

(б)

²⁰ Стросон полагает, что центральный позитивный аргумент КЧР может быть представлен в качестве аналитического. Он кратко излагает его в 6 следующих пунктах: (1).“Опыт необходимо представляет собой темпоральную последовательность” (2).“Должно быть определенное единство среди членов некоторой темпорально протяженной серии восприятий, которое требует возможности самосознания или само-приписывания восприятий со стороны субъекта этих восприятий” (3) “Опыт должен включать осознание (*awareness*) объектов, отличимых от восприятия их в том смысле, что суждения об этих объектах это суждения о том, что независимо от действительного появления их индивидуальных восприятий” (4).“Объекты, указанные в (3) необходимо

пространственны” (5). “Должен быть один единственный (пространственно-временной) каркас (*framework*) эмпирической реальности, охватывающий весь опыт и его объекты” (6). “Определенные принципы постоянства и каузальности должны удовлетворяться в физическом или объективном мире вещей в пространстве” (BS, 24)

²¹ Эти пункты сопровождаются главной, согласно Стросону, посылкой, что имея дело с опытом, мы имеем дело с партикуляриями, которые подводятся под универсалии (в кантовской терминологии – общие представления, понятия) (BS, 20). В свете этого первый тезис является непосредственно очевидным, второй одной из главных посылок дедукции категорий, а остальные^{18]} эксплицитно или имплицитно доказываются в аналитике (BS, 25). Я не буду останавливаться на детальном анализе стросоновских аргументов – этой задаче можно посвятить отдельную статью. Единственное, что я нахожу необходимым здесь – это отметить, что Стросон исходит из того, что кантовские аргументы покоятся на том, что у нас есть некоторая имплицитно используемая концепция опыта, и что в аналитике она эксплицируется посредством аналитических аргументов, которые обсуждались в прошлом разделе (I).

²² В качестве примера можно рассмотреть стросоновскую реконструкцию первой *аналогии опыта* (о наличии чего-то постоянного в восприятиях) и *опровержения идеализма*. Он представляет кантовский аргумент следующим образом:

²³ 1) Опыт требует наличия возможности определения объективных темпоральных отношений между различными восприятиями; 2) Для того, чтобы утверждать, что это возможно, нужно иметь возможность приписывать восприятиям отношения следования друг за другом и со-существования, а также отличать, где необходимо, эти отношения от просто последовательности восприятий; 3) Для того, чтобы это было, в свою очередь, возможно, необходимо, чтобы объекты принадлежали к идентичному и постоянному пространственно-временному фреймворку; 4) Это, наконец, возможно в том случае, если имеется эмпирически применяемый критерий постоянства и идентичности, воплощенный в понятии, под которое подводятся элементы восприятия. При желании этому понятию можно дать имя *субстанции*. Таким образом, понятие субстанции имеет необходимое применение в опыте (BS, 124).

²⁴ По схожей модели Стросон реконструирует и аргумент *дедукции категорий*¹⁹ (BS, 38) и прочие элементы *позитивной доктрины опыта*. Следует отметить, что не все аргументы такой формы Стросон находит валидными, например, так называемый *аргумент от геометрии*, доказывающий истинность трансцендентального идеализма, исходя из того, что геометрическое познание *в действительности* является синтетическим познанием *a priori* (B40-1), признается ошибочным, поскольку, согласно Стросону, утверждение, что познание в математике обладает синтетическим характером *a priori*, вряд ли можно в серьез защищать (BS, 277-8).

26 Стросоновская реконструкция вызывает закономерные вопросы о том, насколько корректно он понимает кантовский замысел. Иными словами, насколько кантовский проект является описанием необходимого концептуального фреймворка всякой когерентной доктрины эмпирического познания. Конечно, я не могу позволить себе излагать здесь цели и задачи КЧР и кантовский взгляд на метод философии в целом; я, однако, хочу обратить внимание на один аспект его понимания философии, а именно, на позицию в вопросе о природе философских понятий и возможности давать им определения.

27 В *Учении о методе* Кант посвятил несколько страниц обсуждению того, как различные дисциплины обращаются с дефинициями. Он высказывает недовольство тем, что в немецком языке есть лишь одно слово (не считаю заимствований) – *Erklärung* – для обозначения целого семейства латинских терминов, связанных с операцией определения значения слова (Кант приводит следующие “проблемные” для перевода термины: *exposito*, *explicatio*, *declaratio* и *definitio*²⁰) (A730/B758). Кант замечает, что эмпирическое понятие может быть лишь *эксплицировано*²¹ и не поддается *реальной дефиниции*. Оно является *определением слова* (то есть показывает, как слово следует использовать) (A727-8/B755-6). Также не являются подлинными дефинициями и дефиниции в философии. Несмотря на то, что последняя работает с понятиями *a priori*, она может в лучшем случае дать их *истолкование* (*Erörterung*) (B38) или вообще не быть способной дать хоть какое-нибудь определение, как в случае с категориями (A244). Таким образом, единственная дисциплина, в которой встречаются реальные дефиниции – это математика, поскольку последняя осуществляет *конструкцию* своих понятий (A730/B758).

28 Для Канта дать реальную дефиницию (ровно как для Лейбница и Вольфа) значит не просто задать правила употребления некоторого слова, но привести такое определение, что из него будет следовать возможность самой вещи²². В “Новых опытах” Лейбниц демонстрирует это на примере определения золота, утверждая, что номинальное определение золота, это то, благодаря чему нечто можно опознать как золото, в то время как реальное определение представляло бы внутреннюю структуру и устройство золота (то есть, то, как оно возможно) [Лейбниц, 1983, с. 296]. Тем самым, из реального определения должна быть видна возможность предмета, в то время как номинальное позволяет лишь отличать вещи одну от другой [Лейбниц, 1984, с. 104]²³. В отличие от Лейбница Кант не полагает, что дефиниции вроде дефиниции золота когда-нибудь станут реальными. Однако, он полагает, что реальные дефиниции успешно применяются в математике, поскольку последняя создает свои понятия. Создание или конструкция понятий возможна потому, что она осуществляется на основании априорного созерцания пространства и времени (B40-1), которое и гарантирует их объективную значимость. Метафизика же, согласно Канту, лишена специфического созерцания, которое бы позволило создавать понятия.

29 Метафизика имеет дело, хоть и с априорными, но, при этом, *данными* понятиями. Поскольку они даны, то могут лишь анализироваться. Анализ же, в свою очередь, предполагает, что ничего *нового* в понятие не привносится: оно

просто заимствуется из речи и далее объясняется²⁴. Тем самым, Кант ставит себя в оппозицию проекту Вольфа (и Лейбница) для которого философия должна давать объяснение того, почему одни из возможностей реализуются, а другие нет (§32) [Wolff, 1740, p. 14]. Это же возможно потому, что философия является демонстративной наукой (подобно математике) (§30), что, в свою очередь, требует точных дефиниций (§116) [Wolff, 1740, p. 53]. Критику позиции Вольфа Кант излагал еще в докритическом творчестве – в эссе на премию академии наук (“Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали”). Там он отмечает, что философия приходит к своим дефинициям аналитически (§1) и что если бы дефиниции в философии были бы синтетическими, то “какой счастливый случай должен был бы иметь место, чтобы это понятие оказалось как раз тем понятием, которое полностью выражало бы данную нам идею” [Кант, 1994а, с. 162] (II, 277). Он также указывает, что даже если философ и изобретает некоторое понятие – как Лейбниц в случае понятия простой субстанции, обладающей лишь темными представлениями, которую он назвал дремлющей монадой – то он не дает настоящего определения (Erklärung) вещи. Определение в этом случае будет лишь грамматическим.

³⁰ Философия также не может заимствовать свои понятия у естествознания и математики, поскольку там они применяются *in concreto* и само их употребление является гарантом их объективной значимости (§2) (в КЧР этот тезис подкрепляется еще и тем, что употребление *in concreto* фундируется наличием априорного созерцания). Соответственно, даже если естествознание рассматривает пространство в качестве абсолютного, то философия, однако, не должна рассматривать это в качестве свидетельства в пользу его метафизически абсолютного характера. Кант дает ясно понять это в аргументах КЧР, показывая, что ряд понятий, обладая объективной значимостью, не могут, однако, быть распространены за пределы своего валидного применения, которое философия и устанавливает.

³¹ Это означает, экстраполируя данное рассуждение на дискуссию о методе философии: философия не обладает ресурсами для произведения новой концептуальной схемы, она может лишь прояснять актуальную. Причем, так как понятия в философии не создаются, необходимо всякий раз проверять условия корректного употребления последних, на что, кажется, и нацелен критический проект, который предлагает серию условий, посредством которых можно оценить *осмысленность* применения того или иного выражения²⁵.

³² (IV)

³³ Такое, про-стросоновское, изложение метода теоретической философии, однако, натывается на несколько проблем. Реконструируя аргументы КЧР, Стросон отбросил трансцендентальный идеализм вместе с “воображаемым предметом трансцендентальной психологии”²⁶. Не обсуждая вопроса о связи первого и второго (Стросон полагал, что трансцендентальная психология выходит из изначально психологической идиомы трансцендентального идеализма (BS, 19)²⁷), я хочу рассмотреть кантовскую мотивацию для введения в игру доктрины трансцендентальной психологии. Под трансцендентальной психологией, в общем

смысле, следует понимать учение о познавательных способностях и познавательной активности субъекта, но не эмпирически, а *a priori*, исходя из того, что последние делают опыт возможным. Элементы трансцендентальной психологии разбросаны по всему тексту КЧР, однако наибольшая концентрация их содержится в *Трансцендентальной дедукции*, в учении о синтетической деятельности познающего сознания, там изложенном.

³⁴ В связи с акцентом на дедукцию, я бы хотел обратить внимание читателя на то, как сам Кант в предисловии к первому изданию КЧР обсуждает задачу и структуру дедукции. Он выделяет в трансцендентальной дедукции две части, а, если точнее, две задачи²⁸: одна из них – задача объективной части – заключается в том, чтобы просто продемонстрировать *объективную значимость* категорий для возможного опыта; вторая же, должна объяснить как возможна сама *способность мышления* (AXVI-XVII).

³⁵ Первая задача превосходно сочетается с целью дескриптивной метафизики – она не исходит из описания эмпирического употребления слов и не претендует на объяснение причин того, почему мы имеем те или иные объективно значимые понятия: Кант действительно отмечает, что мы не можем знать почему мы имеем именно такие формы суждений, а не другие, почему мир дается в пространстве и времени и т.д. (B145-6)²⁹ В то время как вторая задача, на удивление, походит на задачу объяснительной метафизики, как она была охарактеризована выше. Независимо от успешности этой последней задачи, она позволяет посмотреть на кантовский проект с иной стороны. Как не на проект, нацеленный на опровержение скептицизма, в какой бы то ни было форме, а как на (выражаясь терминологией Г. Берда) *революционный проект*³⁰, который, вместо решения “старых” проблем (и поиска ответов на старый, классический, скептицизм), предлагает новую концептуальную схему [Bird, 2006, p. xii]³¹. В этом отношении кантовский проект подлинно ревизирующий и объяснительный. Схожие вывод несколько метафорически делает и М. Баум, утверждая, что Кант рассматривает дедукцию категорий – по аналогии с математической конструкцией – как метафизическую конструкцию и, соответственно, связывает с последней решение проблемы объективности познания [Baum, 2013, p. 164]. Причем, он соотносит проект дедукции с реальными дефинициями в математике, что не лишено основания, поскольку, как было отмечено выше, дать реальную дефиницию, значит дать такую дефиницию, которая покажет возможность вещи, а субъективная дедукция должна ответить на вопрос о возможности самой способности мышления³² ...

³⁶ Таким образом, я надеюсь, мне удалось представить реконструкцию стросоновского проекта дескриптивной метафизики, вызововы с которыми Стросон сталкивался при его разработке, а также некоторые ключевые аспекты его историко-философского фундамента в виде кантовской философии. Рассмотренные сюжеты должны были продемонстрировать, с одной стороны, некоторую схожесть интенций и взгляда на философскую деятельность Стросона и Канта. С другой, представить аспекты кантовского творчества, которые расходятся с тем, что можно было бы назвать дескриптивной метафизикой, не в

силу ошибочности аргументов, а в силу самой постановки задачи. Этот факт указывает на ограниченность и некоторую однобокость того способа рассматривать кантовскую философию, которого придерживался Стросон. Подводя итог, я бы, однако, хотел отметить, что стросоновская реконструкция не является, в строгом смысле слова, *комментарием*³³ – Д. Беннет, например, начиная свою рецензию на “Границы смысла”, пишет, что “то, что большая часть “Критики чистого разума” мертва, не нуждается в доказательстве” и что заслуга Стросона в том, что он показал значение кантовских аргументов, независимо от противоречивого трансцендентального идеализма [Bennett, 1968, p. 340]. Независимо от того, прав Беннет или нет, он довольно точно формулирует специфику стросоновского подхода и стросоновского (а далее и шире – аналитического) кантианства. Книга Стросона является, скорее, смелой интерпретацией, при том, столь успешной, что ее до сих обсуждают в ключевых кантоведческих дискуссиях³⁴.

Примечания:

1. “Границы смысла” цитируются следующим образом: в круглых скобках указывается аббревиатура BS и номер страницы, напр. (BS, 1). Цитаты на “Критику чистого разума” (далее – КЧР) приводятся по пагинациям с буквенными индексами А и Б для первого и второго издания, соответственно. Я слеую переводу под редакцией Н.В. Мотрошиловой, везде, где не оговорено иное [Кант, 2006а; Кант, 2006b]. Прочие работы Канта цитируются по немецкому академическому собранию сочинений (*Kants gesammelte Schriften*) с указанием тома (римская нотация) и номера страницы (арабская нотация) в круглых скобках, напр. (XV, 18) [Kant, 1900-]. При наличии русского перевода цитаты приводятся оттуда.
2. Для “Индивидов” Стросона указывается страница в английском издании, переводы с некоторыми модификациями взяты из [Стросон, 2009].
3. В первом же предложении “Индивидов” Стросон замечает, что исторически метафизика чаще была ревизирующей, нежели дескриптивной [Strawson, 2003, p. 9].
4. Конечно, проект Стросона также является видом концептуального анализа, Глок здесь имеет в виду особый вид концептуального анализа, на место которого Стросон предлагает свой. См. ниже.
5. Карьера Стросона началась в кругу оксфордских философов послевоенного периода. П. Сноудон указывает, что интеллектуальная среда, в которой Стросон начинал свой академический путь, концентрировалась вокруг, так называемой, *философии обыденного языка*, представленной двумя ключевыми стратегиями: Д. Остином и последователями Л. Витгенштейна (в первую очередь, в лице Э. Энском), на “Философские исследования” которого Стросон, по просьбе Г. Райла, писал обширную рецензию [Strawson, 1954] [Snowdon, 2008, p. 168]. (Д. Серл выделял еще одну более традиционную стратегию в лице таких философов как Исайя Берлин – они, правда, насколько можно судить, не оказали никакого-либо обозримого влияния на Стросона [Searle, 2015, p. 176]) О Витгенштейне речь пойдет ниже, с Остином же Стросон сначала вступил в полемику об истине, в ходе которой демонстрировал, что не всякое истинное выражение стоит понимать дескриптивно, а затем и сменил Остина на посту лидирующего оксфордского философа [Strawson, 1949, p. 95–96]. Обзор полемики см. [Макеева, 2011, с. 131–135].
6. Здесь Стросон, несомненно, имеет в виду проект Остина. Последний называл свой проект “лингвистической феноменологией”, указывая на первичную значимость для философии изучения мельчайших различий между близкими по значению словами [Austin, 1961, p. 130]. Используя терминологию Серла, можно назвать подход Остина к философским проблемам “лингвистической философией”, в задачу которой входит решение традиционных философских проблем посредством анализа употребления слов и выражений в некотором (в случае Остина – английском) языке [Searle, 1969, p. 4]. Наиболее ярким примером применения такого подхода является остиновская атака на так называемую *sense-data theory of perception*, которую отстаивал А.Д. Айер. Остин указывал, что дихотомия “материальные вещи/данные чувств” (на анализ которое Айер делал упор) ложна, поскольку существует множество случаев, которые не попадают ни под одну из двух этих категорий: напр. тени или голоса других людей [Austin, 1962a, p. 8] [Остин, 1999a] (стоит заметить, что сам Серл не утверждал, что Остин является *только лишь* лингвистическим философом: он относит теорию речевых актов Остина к “философии языка”, поскольку она представляет собой описание некоторых наиболее общих и фундаментальных свойств языка, а не просто исследует словоупотребление [Searle, 2001, p. 229]).
7. Стросон приводит сравнение философской деятельности с деятельностью ученого, изучающего грамматику: все люди, говорящие на языке, владеют его грамматикой и обладают способностью строить грамматически корректные

предложения (такая способность и может выступать в качестве критерия владения языком), однако требуется особое теоретическое предприятие для экспликации фундаментальных правил по которым, как мы предполагаем, язык работает [Strawson, 1992b, с. 7]. Занимательно, что в 39 параграфе “Прологомен” Кант, созвучно Стросону, сопоставляет деятельность философа и грамматика, правда, применительно к более узкому сюжету – открытию полного списка категорий [Кант, 1994b, с. 83] (IV, 322).

8. П. Хаккер отмечает, что Стросон здесь имеет в виду Р. Коллингвуда и его концепцию метафизики, как исторической науки, которая описывает смену абсолютных пресуппозиций мысли [Hacker, 2003, p. 50]. В отношении Канта Стросон указывает, что, если мы будем рассматривать КЧР в историческом манере, мы сделаем ее много менее интересной работой, чем он рассчитывает (BS, 120). Компаративный анализ концепций “корректной метафизики” Стросона и Коллингвуда см. [Vanheeswijck, 2014].

9. Стоит отметить, что стросоновская жесткая позиция по поводу инвариантности концептуальной схемы активно критиковалась. Оппоненты указывали, что он исходит из фундаментального характера различия субъекта и предиката, что вполне может являться контингентным свойством европейских языков. См. [Naack, 1979].

10. В отношении этого сюжета, вероятно, нужно заметить, что он связан с дискуссиями о статусе философии, как дисциплины: следует ли рассматривать ее наряду с остальными науками (принципиально, с естествознанием), как это делает, например, У. Куайн или, как это делает Стросон, рассматривать ее, как отличную по предмету и методу от остальных наук. См. подробнее [Naack, 1998].

11. В русле логического эмпиризма предлагались различные варианты решения проблемы протокольных предложений – так, например, Айер (которому посвящена следующая сноска) предлагал рассматривать их не в качестве чисто описательных, а значит непосредственно истинных, а в качестве эмпирических гипотез [Ayer, 1952, p. 91] [Айер, 2010, с. 131]. Так или иначе, в рамках данной статьи эти безусловно важные различия внутри течения не играют никакой существенной роли.

12. Пропонентом и главным представителем вышеобозначенной программы в Британии был А.Д. Айер. Стросон в своей интеллектуальной автобиографии отдельно отмечают книгу Айера “Язык, истина и логика” (*Language, Truth and Logic*), которая увлекала его в студенческие годы, но которую на момент написания текста (ровно, как и на момент написания “Индивидов”) он не находил удовлетворительной [Strawson, 1999, с. 8]. Айер в унисон “венским коллегам” указывает, что задача философии состоит в том, чтобы “прояснить пропозиции науки, раскрывая их логические взаимосвязи и определяя встречающиеся в них символы” [Айер, 2010, с. 10] [Ayer, 1952, p. 32]. Он далее отмечает, что “есть основание говорить, что философ всегда связан с искусственным языком. Ибо соглашения, которым мы следуем в нашем реальном употреблении слов, не вполне последовательны и точны” – тем самым расходясь с проектами не только Стросона, но и Остина и позднего Витгенштейна (о чем ниже) [Айер, 2010, с. 100] [Ayer, 1952, p. 70].

13. См. например афоризм 4.003 “Логико-философского трактата”: “Большинство предложений и вопросов, высказанных по поводу философских проблем, не ложны, а бессмысленны. Поэтому мы вообще не можем отвечать на такого рода вопросы, мы можем только установить их бессмысленность. Большинство вопросов и предложений философов вытекает из того, что мы *не понимаем логики нашего языка*” (*курсив – мой*). Или 4.0031: “Вся философия есть «критика языка» (правда, не в смысле Маутнера). Заслуга Рассела как раз в том, что он показал, что кажущаяся логическая форма предложения не обязана быть его действительной логической формой” [Витгенштейн, 2017, с. 74].

14. Трансцендентальным аргументам посвящена обширная полемика в литературе: обзор ее см. в [Stern]. Кроме того, см. статью Б. Страуда, в которой тот представил классический критицизм трансцендентальной аргументации, указав, что лучшее, чего она может достичь – это экспликация некоторой *естественной веры*, но не опровержения скептицизма в наших возможностях иметь *достоверное знание* [Stroud, 1968]. Сам Стросон во многом модернизировал свой проект в свете критицизма в книге “Скептицизм и натурализм” (*Skepticism and Naturalism: Some Varieties*): признавая невозможность того (ну или, во всяком случае, сложности в том), чтобы строго установить валидность аргумента, он полагает, что аргумент все-равно выполняет свою задачу – установление существенных связей фундаментальных понятий в нашей концептуальной схеме [Strawson, 1983, p. 23]. На русском языке о трансцендентальных аргументах см. статью С.Л. Катречко [Катречко, 2011].

15. Что радикально отличает кантовский критический проект от докритического, если взять диссертацию 1770 г. в качестве адекватного выражения последнего (что далеко не является очевидным – см. например обзор Ф. Бейзера, в котором он, посредством метафоры кантовского романтического увлечения метафизикой, показал неоднородность кантовского докритического периода [Beiser, 1992]). В диссертации Кант полагает, что реальное применение интеллектуальной способности имеет своим предметом *особые* объекты, на основании которых метафизика возводит свое собственное здание достоверного познания (§6)[Кант, 1994с, с. 287] (II, 394).

16. R5037; перевод взят из: [Кант, 2000, с. 85]. То, на что конкретно указывает Кант, как на свет, я здесь не обсуждаю: для разъяснения см. напр. классическую статью Д. Тонелли [Tonelli, 1963]

17. В 20 параграфе “Прологомен” Кант дает одно из самых про-стросоновских описаний, решаемой задачи – правда, относя ее к вопросу о возможности чистого естествознания: “Итак, мы должны будем анализировать опыт вообще, чтобы посмотреть, что содержится в этом продукте чувств и рассудка и как возможно само суждение опыта” [Кант, 1994b, с. 57](IV, 300).

18. С некоторыми ограничениями на (4), поскольку Стросон полагает, что объекты не обязательно пространственны, они должны быть упорядочены способом некоторым образом отличным от темпорального

упорядочивания, и хотя бы аналогично пространственному (BS, 51): он раскрывает этот сюжет в “Индивидах” в отношении исключительно аудиторного мира [Strawson, 2003, p. 59–86]

19. Он пишет: “Я рассматривал Дедукцию, как *аргумент*, который осуществляется посредством анализа понятия опыта вообще и приходит к заключению, что определенная объективность и определенное единство суть необходимые условия возможности опыта” (BS, 31-2)

20. Кантовскую работу с этими терминами см. в R2950 (XVI, 585).

21. Перевод изменен.

22. Реконструкцию и изложение кантовской теории дефиниций см. в [Beck, 1956]; [Carozzi, 1981].

23. Различие номинального и реального определения идентично различию определения вещи и определения слова (*Sacherklärung/Wörterklärung*). См. например, тот же самый лейбнецевский тезис с последней парой терминов у Вольфа [Wolff, 1742, p. 48]

24. Роль обыденной речи в кантовском представлении о философии до сих пор выглядит недооценённой: поскольку философские понятия не создаются, они должны быть заимствованы из обыденного словоупотребления, что, в свою очередь, должно было бы предполагать определенный акцент на то, что такое речь, язык и каким образом философия относится к нему. Одно из немногих исследований этого вопроса см. [Carozzi, 2012].

25. Я сознательно употребляю термин “осмысленность”, следуя реконструкции трансцендентальной логики Г. Прауса. Он интерпретирует кантовское утверждение, что формальная логика предлагает лишь негативный критерий истины (A60/B83-4), поскольку она может показать лишь заведомо ложные (самопротиворечивые) утверждения, в то время как трансцендентальная логика, являясь логикой истины (A62/B87), предлагает что-то вроде критерия осмысленности, очерчивая границы внутри которых вообще имеет смысл спрашивать об истине или ложности высказывания [Prauss, 1969, p. 181]. До этого в схожем ключе Остин указывал, что Кант был, вероятно, первым, кто систематически подошел к проблеме осмысленности грамматически-корректно построенных предложений [Austin, 1962b, p. 2][Остин, 1999b, с. 15].

26. Эта конкретная формулировка очень популярна в кантоведении (до Стросона ее в схожем значении употреблял Х. Хаймзот [Heimsoeth, 1956, p. 237]) . Стросоновская критика породила целую серию работ по реабилитации кантовской теории познавательной активности субъекта, наиболее известный экземпляр которой – классическая книга П. Китчер “Кантовская трансцендентальная психология” (*Kant's transcendental psychology*) [Kitcher, 1993] (см. также обсуждение этого сюжета у Элисона [Allison, 1995]).

27. П. Гаер в честь пятидесятилетнего юбилея выхода “Границ смысла” в свет, написал статью “Границы смысла и пределы анализа” (*The Bounds of Sense and the Limits of Analysis*), посвятив ее по большей части вопросу об отношении трансцендентального идеализма и трансцендентальной психологии [Guyer, 2017]. Позиция Гаера – которую он высказывал также и в своей центральной книге [Guyer, 1987, p. 335] – заключается в том, что стросоновская критика трансцендентального идеализма корректна, в отношении же трансцендентальной психологии он заблуждался, приписывая ее к ошибочной доктрине трансцендентального идеализма.

28. В литературе существует обширная дискуссия по поводу локации субъективной и объективной дедукции в тексте. Здесь я, конечно, не могу занять определенную позицию по данному вопросу, поэтому просто укажу ключевые источники: основные позиции, появившиеся до 1992 года, изложены в книге В. Карла [Carl, 1992, p. 44–53]. То, что не вошло в обзор Карла: [Васильев, 1998, с. 53–82], [Allison, 2015, p. 199–203].

29. Что, кстати, расходится с кантовскими рассуждениями в начале его философской карьеры: в “Живых силах” в 1749 году Кант приводит предполагаемое объяснение того, почему пространство имеет в точности три измерения – он полагает, что хотя основание этого еще не известно, можно предложить гипотезу, что количество измерений в пространстве имеет какую-то связь с тем, что “первые три степени чисел совершенно просты и не могут быть сведены ни к каким другим, четвертая же, будучи квадратом квадрата, есть не что иное, как повторение второй степени”[Кант, 1994d, с. 68] (I, 23).

30. Примечательно также и то, что Берд, объясняя, что такое революционный проект в философии, приводит в пример двух философов, уже обсуждавшихся выше – Остина и Витгенштейна [Bird, 2006, p. 38].

31. Читатель(ница) мог(ла) заметить, что нигде выше форма скептицизма, на которую Кант отвечает, не обсуждалась. В действительности скептицизм может быть очень разнообразным и может требовать различных стратегий для своего опровержения. Стросон работает с “классическим” скептицизмом в отношении существования внешнего мира, с, так называемым, “*покрывалом восприятий*”, а также с классическим *юмовским* скептицизмом в отношении наличия априорных понятий и принципов. Нетрудно, однако, заметить, что несмотря на то, что Кант обсуждает этот вид скептицизма в *Опровержении идеализма*, он работает и с другими видами. Например, Э. Форстер отмечает важность для Канта *пирроновского* скептицизма, который демонстрирует, что для всякого утверждения найдется противоположное [Forster, 2008, p. 6; 16–20]. Вероятно, Кант работал со всеми этими моделями скептицизма и, вероятно, чтобы избежать юмовского или, особенно, последнего – пирроновского – скептицизма, он мог бы и предлагать свой трансцендентальный идеализм в качестве новой концептуальной схемы, в который удастся уйти от противоречий, приводящих скептика к отрицанию возможности достоверного познания. К схожему выводу приходит и Г. Берд, показывая, что Кант, в оппозиции к Стросону, опровергает скептицизм не посредством того, что демонстрирует, что скептицизм ставит под сомнение концептуальную схему, в котором только и может быть сформулирован, но просто отказывается от *старых* концептуальных схем – традиционного идеализма и эмпиризма – и помещает новую на их место [Bird, 2003, p. 93].

32. С. Л. Катречко посоветовал в контексте дискуссии о дескриптивной метафизике обратить внимание на кантовский пассаж В303, в котором Кант указывает, что “гордое имя онтологии” должно быть заменено на “скромное имя аналитика рассудка”. Таким образом, кантовская дескриптивная метафизика должна являться метафизикой явлений, в том смысле, что описывает фундаментальную структуру последних, а не вещей самих по себе. Я также цитировал схожий пассаж из “Прелегомен” выше (сноска 17). Преследуя эту цель, Кант, однако, обращается к методу отличному от того, который использует Стросон: Кант вводит доктрину трансцендентального идеализма, которая, согласно стросоновской интерпретации, является попыткой помыслить границу осмысленности с двух сторон – что, конечно, неприемлемо (BS, (здесь можно вспомнить о пассаже из предисловия к “Логико-философскому трактату”, где Витгенштейн указывает, что чтобы помыслить границу мышления с двух сторон нужно иметь возможность мыслить то, что немислимо – что абсурдно [Витгенштейн, 2017, с. 32])). Конечно, кантовскую метафизику явлений можно развить на про-стросоновский манер без масштабной ревизии (отказа от доктрины трансцендентального идеализма), как это делает Эллисон, развивая *двух аспектное* прочтение кантовского трансцендентального идеализма, согласно которому утверждения о вещи самой по себе (такие как то, что она не-пространственна) не являются утверждениями о какой-либо метафизической реальности, а, скорее, являются утверждениями об аспекте *той же самой* вещи, которая дана нам в явлении, в абстракции от “epistemic conditions” (т.е. от условий возможности явлений) [Allison, 2004, p. 52]. См. также [Allison, 1969]. На эту тему на русском языке см. [Чалый, 2004]. Кроме того, можно отметить, что Кант следует другим, отличным от стросоновских стандартам философской джастификации. Проект дескриптивной метафизики будет считаться успешным, если удастся просто эксплицировать концептуальную схему, в который мы мыслим о мире (см. сноску 14); Кант же, напротив, не просто пытается ее эксплицировать – то есть, ответить на вопрос *quid facti* – но и показать на каком основании мы можем ее использовать – то есть, ответить на вопрос *quid juris* (A84-5/B116-7). Стросоновский “расслабленный реализм” (*relaxed realism*), хотя и признает реальность категорий, допущение которых требуется нашей концептуальной схемой, но не джастифицирует их валидность ничем иным, кроме как ссылкой на то, что они являются необходимыми элементами последней [Snowdon, 2001, p. 335]. Этот сюжет, вкупе с обсуждением *субъективной дедукции*, открывает возможности для того, чтобы говорить о *кантовской дескриптивной метафизике* – как это делает Берд [Bird, 2003] или Катречко (статья в этом же номере журнала) – как о существенно отличном от стросоновского проекте.

33. Примечательно, что “Границы смысла” переведены на немецкий, как *Die Grenzen des Sinns. Ein Kommentar zu Kants ‘Kritik der reinen Vernunft’* [Strawson, 1998]. Что, вероятно, вызывает некоторые предубеждения против книги в среде немецкоязычной публики: по крайней мере, я встречал людей, которые говорили, что Стросону не стоило бы называть свою книгу “комментарием”, поскольку она им, строго говоря, не является.

34. Я выражаю благодарность С. Л. Катречко, Л. Б. Макеевой и Г. Ю. Филатову за замечания и комментарии к представленному тексту.

Библиография:

1. Айер А.Д. Язык, истина и логика / пер. с англ. В.А. Суровцев, Н.А. Тарабанова. Москва: Канон+ РООИ ‘Реабилитация’, 2010.
2. Васильев В.В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий). Москва: Наследие, 1998.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Часть I. / пер. с нем. М.С. Козлова, Ю.А. Асеева. Москва: Гнозис, 1994. С. 75–320.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И.С. Добронравов, Д.Г. Лахутин, В.Н. Садовский. Москва: Канон+, 2017.
5. Кант И. Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали // Сочинения. В 8-ми т. Т.2. Москва: Чоро, 1994а. С. 159–190.
6. Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения. В 8-ми т. Т.4. Москва: Чоро, 1994b. С. 5–152.
7. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Сочинения. В 8-ми т. Т.2. Москва: Чоро, 1994с. С. 277–320.

8. Кант И. Мысли об истинной оценке живых сил // Сочинения. В 8-ми т. Т.1. Москва: Чоро, 1994d. С. 51–82.
9. Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*) / пер. с нем. В.А. Жучков, В.В. Васильев, С.А. Чернов. Москва: Прогресс-Традиция, 2000.
10. Кант И. Т.2: Критика чистого разума: в 2ч. Ч.2 // Сочинения на немецком и русском языках / под ред. Н. Мотрошилова, Б. Бушлинг. Москва: Наука, 2006a.
11. Кант И. Т.2: Критика чистого разума: в 2ч. Ч.1 // Сочинения на немецком и русском языках / под ред. Б. Бушлинг, Н. Мотрошилова. Москва: Наука, 2006b.
12. Карнап Р. Физикалистский язык как универсальный язык науки // Философия и Естествознание; Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. Москва: Канон+, 2010. С. 170–211.
13. Катречко С.Л. Трансцендентальная аргументация Канта как формальная онтология // РАЦИО.ru. 2011. Т. 5. С. 89–106.
14. Лейбниц В.Г. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Сочинения в четырех томах: Т. 2. / под ред. И. Нарский. Москва: Мысль, 1983. С. 47–545.
15. Лейбниц В.Г. Размышления о познании, истине и идеях // Сочинения в четырех томах: Т. 3. / под ред. Г.Г. Майоров, А. Субботин. Москва: Мысль, 1984. С. 101–107.
16. Макеева Л.Б. Язык, Онтология и Реализм. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.
17. Остин Д. Смысл и сенсibiliи // Избранное / пер. с англ. Л.Б. Макеева. Москва: Идея-Пресс, 1999a. С. 139–246.
18. Остин Д. Как совершать действия при помощи слов? // Избранное / пер. с англ. Л.Б. Макеева. Москва: Идея-Пресс, 1999b. С. 13–135.
19. Стросон П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики / пер. с англ. В.Н. Брюшинкин, В.А. Чалый. Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта, 2009.
20. Чалый В.А. Некоторые аспекты интерпретации ‘Критичи чистого разума’ сэром Питером Стросоном // Кантовский сборник. 2004. Т. 24. № 1. С. 88–103.
21. Allison H.E. Transcendental Idealism and Descriptive Metaphysics // Kant-Studien. 1969. V. 60. № 2. P. 216–233.
22. Allison H.E. On Naturalizing Kant’s Transcendental Philosophy // Dialectica. 1995. V. 49. № 2–4. P. 335–351.

23. Allison H.E. Kant's Transcendental Idealism. London: Yale University Press New, 2004.
24. Allison H.E. Kant's Transcendental Deduction: An Analytical-historical Commentary. New York: Oxford University Press, 2015.
25. Austin J.L. A Plea for Excuses // Philosophical Papers by late J.L. Austin. Oxford: Oxford University Press, 1961. P. 123–152.
26. Austin J.L. Sense and Sensibilia / ed. G.J. Warnock. New York: Oxford University Press, 1962a.
27. Austin J.L. How do to Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955 / ed. J.O. Urmson. Oxford: Oxford University Press, 1962b.
28. Ayer A.J. Language, Truth and Logic. New York: Dover Publications, 1952.
29. Baum M. Erkennen und Machen in der „Kritik der reinen Vernunft“ // Probleme der 'Kritik der reinen Vernunft' / ed. B. Tuschling. Berlin, Boston: DE GRUYTER, 2013. P. 161–177.
30. Beck L.W. Kant's Theory of Definition // Philos. Rev. 1956. V. 65. № 2. P. 179–191.
31. Beiser F.C. Kant's Intellectual Development: 1746-1781 // The Cambridge companion to Kant / ed. P. Guyer. New York: Cambridge University Press, 1992. P. 26–61.
32. Bennett J. Strawson on Kant // Philos. Rev. 1968. V. 77. № 3. P. 340–349.
33. Bird G. Kant's and Strawson's Descriptive Metaphysics // Strawson and Kant / ed. H.J. Glock. New York: Oxford University Press, 2003. P. 67–85.
34. Bird G. The Revolutionary Kant: A Commentary on the Critique of Pure Reason. Chicago: Open Court, 2006.
35. Capozzi M. Kant on Mathematical Definition // Italian Studies in the Philosophy of Science / ed. D.M.L. Chiara. Dordrecht: Reidel Publishing Company, 1981. P. 423–452.
36. Capozzi M. Philosophy and Writing: the Philosophical Book According to Kant // Quaestio. 2012. V. 11. № 2011. P. 307–350.
37. Carl W. Die Transzendente Deduction der Kategorien in der ersten Auflage der Kritik der reinen Vernunft; Ein Kommentar. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1992.
38. Carnap R. Die physikalische Sprache als Universalsprache der Wissenschaft // Erkenntnis. 1931. V. 2. P. 432–465.
39. Forster M.N. Kant and Scepticism. Oxford: Princeton University Press, 2008.

40. Glock H.J. Strawson and Analytic Kantianism // Strawson and Kant / ed. H.J. Glock. New York: Oxford University Press, 2003. P. 15–42.
41. Glock H.J. Strawson's Descriptive Metaphysics // Categories of Being: Essays on Metaphysics and Logic / ed. L. Haaparanta, H.J. Koskinen. : Oxford University Press, 2012. P. 391–419.
42. Guyer P. Kant and the Claims of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
43. Guyer P. The Bounds of Sense and the Limits of Analysis // J. Hist. Philos. 2017. V. 55. № 3. P. 365–382.
44. Haack S. Descriptive and Revisionary Metaphysics // Philos. Stud. An Int. J. Philos. Anal. Tradit. 1979. V. 35. № 4. P. 361–371.
45. Haack S. Between the Scylla of Scientism and the Charybdis of Apriorism // The Philosophy of P.F. Strawson / ed. L.E. Hahn. Chicago: Open Court, 1998. P. 49–63.
46. Hacker P.M.S. On Strawson's Rehabilitation of Metaphysics // Strawson and Kant / ed. H.J. Glock. New York: Oxford University Press, 2003. P. 43–66.
47. Heimsoeth H. Persönlichkeitsbewußtsein und Ding an sich in der Kantischen Philosophie // Studien zur Philosophie Immanuel Kants; Metaphysische Ursprünge und Ontologische Grundlagen. Köln: Kölner Universitäts Verlag, 1956. P. 227–257.
48. Kant I. Kants gesammelte Schriften. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1900-.
49. Kitcher P. Kant's Transcendental Psychology. New York: Oxford University Press, 1993.
50. Prauss G. Zum Wahrheitsproblem bei Kant // Kant-Studien. 1969. V. 60. № 2. P. 166–182.
51. Searle J.R. Speech Acts: an Essay in the Philosophy of Language. New York: Cambridge University Press, 1969.
52. Searle J.R. J. L. Austin (1911–1960) // A Companion to Analytic Philosophy / ed. A.P. Martinich, D. Sosa. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2001. P. 218–230.
53. Searle J.R. Oxford Philosophy in the 1950s // Philosophy. 2015. V. 90. № 2. P. 173–193.
54. Snowdon P.F. P. F. Strawson (1919–) // A Companion to Analytic Philosophy / eds. A. Martinich, A. Sosa. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2001.
55. Snowdon P.F. Strawson on Philosophy – Three Episodes // South African J. Philos. 2008. V. 27. № 3. P. 167–178.

56. Stern R. Transcendental Arguments (Stanford Encyclopedia of Philosophy) [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/transcendental-arguments/> (дата обращения: 07.12.2019).
57. Strawson P.F. Truth // Analysis. 1949. V. 9. № 6. P. 83–97.
58. Strawson P.F. Critical Notice // Mind. 1954. V. 63. № 249. P. 70–99.
59. Strawson P.F. Skepticism and Naturalism: Some Varieties. New York: Columbia University Press, 1983.
60. Strawson P.F. Analysis, Science, and Metaphysics // The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method / ed. R.M. Rorty. Chicago: The University of Chicago Press, 1992a. P. 312–320.
61. Strawson P.F. Analysis and Metaphysics: an Introduction to Philosophy. London: Oxford University Press, 1992b.
62. Strawson P.F. Die Grenzen des Sinns. Ein Kommentar zu Kants ‘Kritik der reinen Vernunft’ / ed. E.M. Lange. Rudolstadt: Hain, 1998.
63. Strawson P.F. Intellectual Autobiography of P.F. Strawson // The Philosophy of P.F. Strawson / ed. L.E. Hahn. Chicago: Open Court, 1999. P. 3–22.
64. Strawson P.F. Individuals: An Essay in Descriptive Metaphysics. London: Routledge, 2003.
65. Strawson P.F. The Bounds of Sense: An Essay on Kant’s Critique of Pure Reason. London: Routledge, 2006.
66. Stroud B. Transcendental Arguments // J. Philos. 1968. V. 65. № 9. P. 241.
67. Tonelli G. Die Umwälzung von 1769 bei Kant // Kant-Studien. 1963. V. 54. № 1–4. P. 369–375.
68. Vanheeswijck G. The Kantian Heritage of R.G Collingwood and P.F. Strawson: two Varieties of Descriptive Metaphysics // Hist. Philos. Q. 2014. V. 31. № 3. P. 271–292.
69. Wolff C. Praemittitur discursus praeliminaris de philosophia in genere // Philosophia rationalis sive logica, methodo scientifica pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata praemittitur discursus praeliminaris de philosophia in genere. : Officina Libraria Rengeriana, 1740. P. 1–104.
70. Wolff C. Vernünfftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkäntniß der Wahrheit. Halle: Renger, 1742. Ed. 12.

Descriptive Metaphysics and Kant

Maksim Evstigneev

Higher School of Economics

Russian Federation, Moscow

Abstract

P.F. Strawson is famous for his contribution to the Kant-scholarship (especially for his book *The Bounds of Sense*). On the other hand, Strawson is recognized as an independent and original philosopher. This text presents an analysis of the intersection of these two themes: I present an analysis of Strawson's conception of descriptive metaphysics and apply its results to the Kant's critical philosophy and to Strawson's interpretation of it. It gives me an opportunity to show that some aspects of Kant's view on method and subject matter of philosophy is genuinely Strawsonian. However, on the other hand, some other Kant's intentions show that even if it is possible to consider Kantian approach as descriptive metaphysics, it would be another, un-Strawsonian approach.

Keywords: Kant, Strawson, Kant-scholarship, descriptive metaphysics, transcendental idealism, Critique of Pure Reason

Publication date: 06.07.2020

Citation link:

Evstigneev M. Descriptive Metaphysics and Kant // Studies in Transcendental Philosophy – 2020. – V. 1. – Issue 1 [Electronic resource]. URL: <https://transcendental.su/S123456780008217-9-1> (circulation date: 21.05.2024). DOI: 10.18254/S271326680008217-9